

Геннадий ЮРОВ

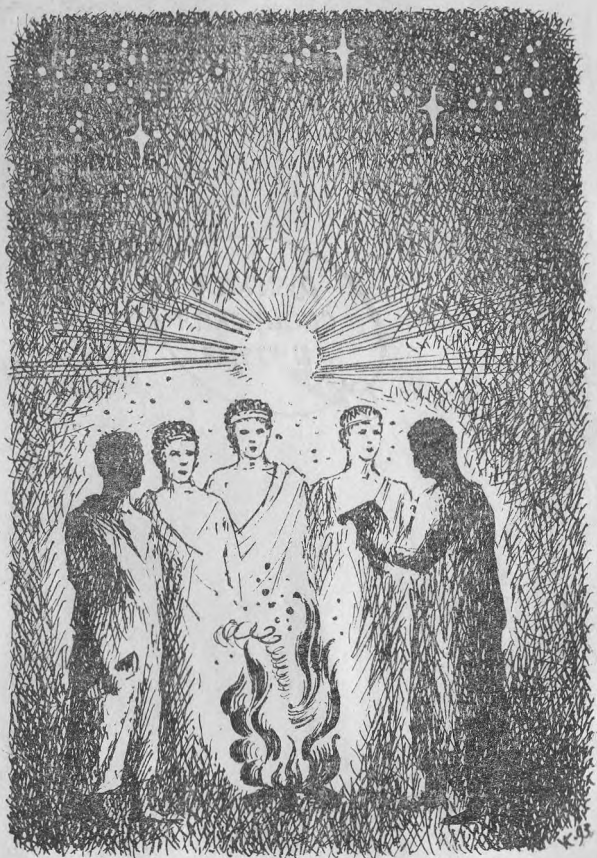
ТОВАРИЩЕСКИЙ
КРУГ

стихотворения

*Поэтическая серия издается на средства
Кузбассоцбанка*

K. 95

ЮРОВ К
1028

Геннадий
ЮРОВ

ТОВАРИЩЕСКИЙ
КРУГ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кемерово
Издательство «Сибирский родник»
1993

ББК 84.Р7
Ю 78

Л/В

К

~~52958 (1)~~

г. Л.-Кузнецкий
Центральн. объединен.
Городская библ. № 1
им. Крупской

Ц Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

Ю 4702010202-1 93 Без объявл.
ЛР № 030182
ISBN 5-8434-0008-5

© Юров Г. Е., 1993

СКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ХОРОШЕЕ

Непреднамеренно, непрошенно,
От сердца к сердцу — по прямой
Скажи мне что-нибудь хорошее,
Желанный собеседник мой.

А то, признаюсь я по совести,
Уже давно со всех сторон
Дурные осаждают новости,
Упреки сыплет телефон.

И до того, как трубка брошена,
Прошу я, уловив момент:
— Скажи мне что-нибудь хорошее. —
Но ты молчишь, мой абонент.

Как будто мысль моя чудовищна,
Как будто из последних сил
Оберегаешь ты сокровище,
Куда я руку запустил.

Непостижимо! Чуть не с гордостью,
Что так обижены судьбой,
Друг другу поверяем горести
И сетуем наперебой.

Пора потерь владеет чувствами.
Нам улыбнуться недосуг.
Скажи мне что-нибудь негрустное,
Испытанный годами друг.

Ранимым я бывал и раненым,
Но слову верить не устал.
Пускай заблещет всеми гранями
Его целительный кристалл.

И не молчи так огорошенно.
Дай лучик от своих щедрот.
Скажи мне что-нибудь хорошее,
И пусть оно произойдет.

СОВЕСТЬ

Жить желая достойно,
Говорим неспроста:
Если совесть спокойна,
Значит, совесть чиста.

Каждый совестью красен,
Постоянством ее...
Что чиста — я согласен.
Что спокойна — вранье!

Не каприз, не геройство,
Не парадная роль,
Есть у совести свойство
В нас выращивать боль.

На планете, где войны,
Где кромешно от бед,
Если совесть спокойна,
Значит, совести нет.

Точно речка струится,
Или птица летит,
Или зреет пшеница,
Так и совесть болит.

Этой болью невольно
Рвется с губ и с листа...
Если совести больно,
Значит, совесть чиста.

РОМАНТИКА

Ораторы, романтику не троньте!
Святую, не сжигайте на кострах,
Уже не раз погибшую на фронте,
На стройках
И в колымских лагерях.

Ее судьба — не в праздничных колоннах,
А на переднем крае,
И не раз
Взамен экономических законов
Использовали наш энтузиазм.

Не отрекутся от ее гражданства
Ни север, ни Запсиб, ни целина...
А кто позвал нас в звездное пространство
И вывел в космос? —
Разве не она?

Когда стремительные перекрыли воды
Плотинами,
Застойное жулье
Вину за разрушение природы
Цинично возложило на нее.

А между тем,
При рубках и потравах,
На полигонах, выжженных дотла,
Она прозреньем выстрадала право
В тревожные забить колокола.

Так почему на митингах и в прессе
К трибуне не допущена она,
А ввергнута в такой разгул репрессий,
Что реабилитация нужна?

Обманута? — За это мы в ответе.
Традиция, связавшая века,
Не допускает,
Чтобы наши дети
Духовного лишились родника.

Она нужна — как крылья для полета.
А если обесценены слова,
Могучая наука хозрасчета,
Которой поклоняемся, —
Мертва.

Сквозь скепсисом отравленные годы
Пробьется к нам грунтовая струя
Из недр России,
Из души народа —
Рассветная романтика моя.

Ни мафии, ни черни, ни элите
Не докопаться до ее корней.
Она живая.
Люди, погодите,
Не воздвигайте памятника ей!

СТАРШИЙ БРАТ

По всей земле, насколько я разведаль,
Не густо Юровых — однофамилец редок.
Должно быть, мой достопочтенный предок
Жил на юру,
Где свищет ветер зло.
Чтоб пласт повествованья не утратить,
Я должен рассказать о старшем брате.
Был старший брат!
Мне в этом повезло.

Тогда район Рудничный слыл отпетым.
Ходила улица с ножом или кастетом.
Но брат мой старший
Был авторитетом —
Не признавал кастета и ножа.
С ним повстречавшись, в темном переулке,
Всегда дорогу уступали урки,
А если цыкнет — пятились, дрожа.

Таков мой брат.
Он строгим был по праву.
Учил меня ловить ельцов и плавать,
Вязать плоты, искать саранку в травах
И никогда в обиду не давал.
Я за спиною слышал что-то вроде:
— Меньшой братишка Юрова Володи, —
Никто меня по имени не звал.

Над Кемеровом башенные краны.
Край строился, залечивая раны.
А братья старшие
Взрослели слишком рано.
Семнадцати, еще не полных лет
Мой брат трудился в шахте — на проходке.
И умер скоротечно — от чахотки...
И шел ко мне звезды погасшей свет.

Я взял его карандаши и краски,
Нарисовал Снегурочку из сказки.
Потом войну — отца в солдатской каске,
Тела врагов, побитых без числа.
Потом сосну,
Береговые скалы...
Мои рисунки улица признала,
Меня по имени впервые назвала.

Я прожил дольше умерших и павших.
В иные дни считал себя уставшим.
Но старший брат!
Он оставался старшим!
Его кедрач, как прежде, — на корню.
Нас разделяют годы, как ступени.
Он со своим уходит поколеньем.
Я никогда его не догоню.

Мой старший брат.
Легли ему на плечи
Цеха азота, коксовые печи.

Он открывал разрезы в междуречье.
Грузил горючим камнем поезда.
Ходил с геологами по маршрутам горным.
Под Казом, Шерегешем, Таштаголом
Им найдена железная руда.

Я ощущал тепло ладони братской
На «Зиминке», «Чертинской» и «Распадской».
Заговорив с проходчиком,
Под каской
Угадывал знакомый мне овал.
В прорабах и монтажниках Запсиба
Его черты...
И было так — спасибо! —
Я друга старшим братом называл.

Мой старший брат прошел по первопутку.
Долине гулкой протрубил побудку.
Я по нему сверял свои поступки,
Отогревался у его огня.
Завидую его плечам покатым.
И так скажу:
Имеет сходство с братом
Портрет родного края для меня.

ЧЕРНЫЙ ЮМОР

Когда, стыдясь восторженности юной,
Мы с родником утрачивали связь,
Наш солнечный,
Наш искрометный юмор
Переродился, черным становясь.

Застенчивость сошла смущенно с круга.
Не золото она,
Не серебро...
И чувствуешь железный локоть друга,
Особенно, когда он — под ребро!

Мне потому порой бывает жутко,
Что на миру ни слова — без прикрас,
И горечью приправленная шутка,
Как эсперанто,
Связывает нас.

Играем ироничностью, играем!
И верим,
Что, тщеславыю вопреки,
Иронии боятся негодяи,
Иронии боятся дураки.

Рассется туман самообмана —
Дивимся: выдвиженцев всех мастей
Иронией,
Как дустом тараканов,
Не вытравить —
Они привыкли к ней.

Так что ж ты с нами сделала, эпоха?
Смотри:
Об откровенности скорбя,
Достоинство
В одеждах скомороха
Скрывается, чтоб защитить себя.

ПРАЗДНИКИ

В далекие запасники
Спровадив осторожность,
Я делал людям праздники —
Была такая должность.

А он чурался радости,
Которая доступна,
И делал людям гадости
Расчетливо и крупно.

И жизнь в такой двоякости
Текла.
А почему? —
Удавшиеся пакости
Как праздники ему.

Итог держу в секрете,
Поскольку удивлен,
Что праздником на свете
Никто не обделен.

ЧУДАЧЕСТВО

Как славу мы чудачеством стяжали
Ушедшие расскажут времена.
А я о случае,
Когда в одном журнале
Стал аргументом «чудик» Шукшина.

Мол, провозвестник нового этапа,
В пылу борьбы непримирим и лих,
Пошел и по инстанции «накапал»
На дорогих товарищей своих.

Он справедливость поминает всеу,
Любуется собою, мол, каков!
Чудачество? — Шалишь!
Я протестую
От имени российских чудаков.

Знакомый почерк.
Он из той породы,
В чьих грезах репрессивная страда
Не кончилась.
Но нравственность народа
Доносчика не примет никогда.

Он липнет к судьбам щупальцами спрута.
И вот развязку мне рисует взор:
Шукшин узнал.
И выругался круто.
И сплюнул он.
И каблуком растер.

НЕДРУГ

Мой давний недруг, памятлив и зол,
Гордится личным планом перестройки.
Он школу политграмоты прошел,
Как будто курсы по шитью и кройке.

Поторопился, чтоб попасть в струю.
Еще вчера циничный между нами,
Свою обнову — правильность свою
Несет перед собою, будто знамя.

Мой давний недруг снова рвется в бой.
Цыпленок мести вылез из скорлупки.
От имени законности самой
Пытается нам диктовать поступки.

И вот уже берет кого-то в плен.
И вот уже его боится кто-то.
Он страшен, ибо ветер перемен —
Ему сигнал к сведенью личных счетов.

Чужому горю он победно рад.
Чужая слава для него бесчестье.
В броне авторитетов и цитат,

Нет, не цыпленок он — стервятник мести.

52958 (1)

Ш Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

Г. И. Кузнецкий
Центральн. объединен
Городская б-ка им. Круппской

Он знает, как убийственна молва,
И, нас толкая под ее колеса,
Одеть умеет в честные слова
Каркас традиционного доноса.

Он не теперь усвоил: жизнь — борьба.
И чеховскую мудрость преломляя,
По капле давит из себя раба.
А надо б — не по капле! — негодяя.

ОПАЛА

Опала — красивое имя
Для женщины, бывшей с другими
И вспомнившей вдруг про меня...
— Сударыня, лестно! Но все же
Найдите себе помоложе. —
Она улыбнулась, дразня.

Волна пересудов опала,
И выбора нету. — Опала,
Несуетна, как тишина,
Трезва, как речная острада:
— Я буду с тобою, покуда
Тебе я, мой милый, нужна.

Что ж, в возрасте скорби глобальной
Мне нравилось слово — опальный.
Не думал, что так повезет:
Ни склок, ни амбиций, ни моды.
Опала пришла как свобода
От груза бесплодных забот.

Ни грамот, ни премий, ни званий,
Похожих на кукиш в кармане.
Опала пришла как протест,

Что душу на мелочи трачу.
Опала пришла как удача
Взглянуть на себя и окрест.

Воспряну я, зову доверясь,
В котором крамола и ересь.
И ветра коснутся уста.
И пальцы — струны совершенства.
Пусть губительно это блаженство,
Но жизнь без полета — пуста.

Мудра и целебна, как травы.
Как проблеск погоды, лукава,
Взмахнет на прощанье крылом.
Каприз, дуновенье, загадка...
Лишь Болдинской осени прядка —
Седая — над чистым челом.

Чистый камень сердолик
В чаше родника алеет.
Я б отдал тебе родник —
Только речка обмелеет.

Я б сорвал рябины гроздь —
Только птицы протестуют.
Я бы срезал в роще трость —
Да люблю листву густую.

Пень березовый подгнил.
В нем такая прель и сырость.
Если б я опенком был —
Непременно здесь бы вырос.

Я прошел и дол, и лог,
Не принес тебе подарка.
Я хотел сорвать цветок,
Да пчелу согнать мне жалко.

Барабанит по сосне
Дятел весело и гулко.
Дай-ка лучше руку мне —
Подарю тебе прогулку.

Мы пойдем через ручей
Васильковой дорогой
У зари набрать лучей,
Горизонт рукой потрогать.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Нету истин бесспорных,
А есть их познания грусть,
Бремя вечных вопросов
В ребенке, в ученом, в поэте...
— В чем же смысл бытия?
— Я об этом судить не берусь,
Но про жизнь про свою
Я, пожалуй, сумею ответить.

— Ну а есть ли судьба
Или, как говорится, звезда?
— Да, я верю в звезду,
Что во мне принимает участие.
— Ты счастливый?
— Не знаю.
Порою казалось, что да.
Но с годами меняется
Наше понятие о счастье.

Время лечит. Все так.
Разменявшие возраст утрат,
Не лечило бы время,
Что годы бы сделали с нами?

Но наступит предел,
За которым, сняв белый халат,
Этот доктор и маг
Разведет безнадежно руками.

— И придет отчужденье?
— Оно не придет никогда.

На судьбу человека
Планета богаче отныне.
Ты живешь в чьей-то памяти.
Светит кому-то звезда.
Бремя вечных вопросов
Тебя и тогда не покинет.

Ночь незрячая сентября.
В небе ветра осенний обряд.
В небе поздняя стая гусей.
Ранний снег бьет картечью по ней.
И в предчувствии ранних утрат
Гуси раненые кричат.

А внизу их спасенье — река.
Над рекой бывший лагерь «ЗК».
За остатком колючих оград
Ныне просто капустный склад.
В низких окнах уютный свет...

Но для птиц пристанища нет.
Только проволоки клочки.
Да ружейных стволов зрачки.
Да откуда-то со двора
Зажигают прожектора.

Гуси слепнут, вершат круги
И не могут найти реки.
Только выстрелы — в лет, с плеча.
Птицам больше не закричать.

И нахлынула тишина.
Ничего не забыла она.
Ночь незрячая над Кольмой
Вдруг становится глухонемой.
Лишь тайга шелохнулась в ночи.
Но шепнули ей сопки: «Молчи!»

РОСОМАХА

Словно тень, росомаха.
Вдоль спины полоса.
Велики, как у страха,
Росомашьи глаза.
Повстречать их не пробуй,
Только разве что смерть
Ты предъявишь как пропуск
В те глаза посмотреть.
Под валунной грядюю
Вдоль холодной реки
Росомаха за мною
Маскирует шаги.
Лечь она мне позволит
И устало уснуть,
Чтобы с хрустом на горле
Свои зубы сомкнуть.

Замышляется подлость,
Как всегда, со спины!
Вижу красную полость
От десны до десны.
Ощущенья не скрою,
Будто множество лет
Грезишь ты моей кровью
И крадешься вослед.
Я в пути поотстану,
Как бы ночь ни гнала,

Заряжу два жакана
В два ружейных ствола.
На таежной опушке,
Как бы холод ни жег,
Я дождусь и на мушку
Поймаю прыжок.

Я умоюсь у речки.
Я рубахой утрюсь,
Зашагаю далече
И не оглянусь.

ОЗЕРО ТАНЦУЮЩИХ ХАРИУСОВ

А ночи не было. Был только сумрак синий,
Да на вершинах чуть заметный иней,
Да озера незыблемая гладь.
Но вот заря зарделась недалече,
И озеро рванулось ей навстречу,
И пережат запел на ста наречьях,
И хариусы вышли танцевать.

Я — зритель небывалого балета.
Я в зал стозвонный впущен без билета,
Мне это место кажется отменным
На валуне у стен Аборигена,
Где рампа утра радугу лучит.
А позади по сопкам и пригоркам
Шумит кустов зеленая галерка,
И по ущельям каменным торопко
На зрелище стекаются ключи.

Танцуют хариусы. Как они танцуют!
Они как будто белый свет целуют.
Летят по воздуху и — разом замирают,
Лишь плавников подвижны веера.
На дно ныряют,
  толщу замеряют,
Зарю хватают,
  в воду окунают
И мчатся за полетом комара.

О, Колыма! Ты так скупа на ласку.
Прости, что тайну предаю огласке
И выставляю людям напоказ.
Нельзя — чтоб не видать такого блеска.
Нельзя — чтоб не слышать такого плеска.
На озере в зеленых перелесках
Танцуют хариусы,
Как в последний раз.

ТРАССА

Ветер вырвал окуроч,
Как обрывок неконченной фразы,
От вчерашней аварии —
В щепки разбитый каркас.
Здесь дорожники вновь
Пробивают Колымскую трассу
Не в десятый,
Не в сотый
И даже не в тысячный раз.
У поселка машины
Теснятся,
Как шхуны на рейде.
Над поселком прожектор
Надежен,
Как в шторме маяк.
Разгребает заносы
Безропотный труженик грейдер,
И за грейдером вновь
Наша «Татра» уходит во мрак.
А пурга впереди
То хохочет, то жалобно стонет,
Словно гибель пророчит,
Потом о погибших скорбит.
И ко мне на плечо
Тихо женщина голову клонит,
У меня на плече

Глубоко и доверчиво спит.

В сновиденьях твоих

Все дорога,

дорога,

дорога.

А в конце той дороги

Твой дом и, быть может, семья.

Шевельнуться не смею,

Чтоб снов твоих белых не трогать.

Вирази проклиная,

Когда потревожат тебя.

В дальней древней долине,

Где было и дико, и голо,

Будешь ты для мужчины

В вечернем окне зажжена.

Это мужество, верно,

Что женщина в тундре геолог.

Но не спорь, это подвиг,

Когда она в тундре жена.

Сон на тонком лице,

Словно в буре минута покоя.

На ресницах снежинка,

Внезапно растаяв,

дрожит.

Если ты здесь живешь,

Этот край, значит, вправду

освоен,

Если так можешь спать,

Этот край, значит, вправду

обжит.

* * *

Глухой тайге
                                гусиный крик ответил
На горькую напутственную речь.
Срывая желтизну,
                                пытался ветер
Зелеными
                                кустарники сбечь.
Сугробились
                                на горизонте тучи,
А с темнотой,
                                былую вспомнив прить,
Пытался дождь —
                                старатель невезучий —
В опавших листьях
                                золота намыть.

КОРОТКОЕ КОЛЫМСКОЕ ЛЕТО

Нестись на КРАЗе, взвинчивая скорость,
Сойти на трассе и глотнуть простора,
В котором я когда-то ноги сбил.
Я ждал, что Колыма в судейской позе
— Ты кто такой? —
Меня сурово спросит.
Она меня спросила:
— Где ты был?

И повела, не выслушав ответа,
В стремительное северное лето,
Заботою одной осенена,
Чтоб и трава, и дерево, и птица
Смогли раскрыться и осуществиться,
В рассвет грядущий бросить семена.

Расчетливое северное лето —
Скупое торжество тепла и света.
Зеленый стебель только вышел в рост,
Его уже цветок собой венчает...
Лиловые озера иван-чая
В распадках плещутся,
Туманные от рос.

В багульнике куропахи судачат.
По валунам ручьи с восторгом скачут.
Густеют лиственницы, обновив цвета.
Кедровый стланик прячет в камнях крону
И круговую держит оборону:
Над кроной — ветер,
Снизу — мерзлота.

Добычливое северное лето.
Оно большой работою согрето,
Когда меж сопок, будто бы меж волн,
Подняв свои воинственные флаги,
Как корабли, переплывают драги
И перекапывают желтый полигон.

И луч воды из гидромонитора
Песчаные перемещает горы.
Промывка золота — колымская страда.
И я опять в бригаде приисковой,
Где лица все, мне кажется, знакомы.
Когда-то виделись...
А может, никогда?

Мне интересен журналист-мальчишка,
Что здесь мотался с записною книжкой:
И верил, что работает на план...
Но я теперь совсем иначе слышу
Значительное в сводках слово —
Вскрыша.
В нем столько хруста, скрежета и ран.

Когда земля — с шиповником, цветами,
Ручьями, ягелем, брусникой, муравьями —
Застонет под бульдозерным ножом,
Когда она, зачеркнутая трассой,
Становится безликой горной массой,
Что к нам вернется в слитке золотом?

Как ты ранимо, северное лето!
Теперь я сердцем ощущаю это,
Как медленно здесь дерево растет.
Я знаю, как мучительно и трудно
Следы от гусениц
Залечивает тундра,
Когда по ней промчится вездеход.

Иду к тебе по берегу разлада,
Отвалов угловатые громады,
И вырубки, и гари за спиной,
Я ждал, что Колыма, в житейской прозе,
— Зачем мешаешь? —
Отчужденно спросит.
Она меня спросила:
— Что с тобой?

ПЕРЕД ПОЭМОЙ

Поэму начинаю в сентябре.
В тайгу забрел
Рыбацкий домик старый.
Здесь птицы не крикливы на заре.
Здесь помыслы прозрачны,
Как кристаллы.

Под кручей в берег тычется налим.
Он смотрит на меня
И просит немо:
— Послушай, я тебе необходим.
Я жить хочу.
Возьми меня в поэму.

И речку переплыв,
Пугливый лось
Помешкал чуть, отряхивая пену:
— Не чаял встреч.
Но ежели пришлось
Нам встретиться,
Возьми меня в поэму.

А ночью девушка является во сне.
— Поскольку, — молвит, — я была вначале,
Должна поэма быть лишь обо мне,
Лишь об одной...
Я говорю:
— Едва ли.

Позднее вторглись,
В дверь не постучав,
Обиды давние
И тонко намекнули,
Что кой о чем удобно промолчать
И позабыть.
Я говорю:
— Смогу ли?

Ни горю и ни счастьем не хочу
Отказывать.
Они ложатся в тему.
И, растворяясь в осени, шепчу:
— Возьми, сентябрь,
Меня в свою поэму!

Поэму начинаю в сентябре.
Я тороплюсь.
Я все просрочил сроки.
У камня ожидания созрев,
В ростки уходят дорогие строки.
Я к лучшему моменту их берег,
Вынашивал и опоздать боялся...
Вчера смотрю:
Последний огонек
Весенним пламенем оранжево занялся.

На взгорье, где последняя жара
За землю держится настойчивей и тверже,
Расцвел, хоть знает:
Не его пора!

Он мог не расцветать.
Но вот расцвел же!

На взгорье майский светится цветок.
Природе вопреки пророчит лето.
Я говорю:
— Спасибо, огонек! —
И, кланяясь, срываю для букета.

Я отгняю пламя белизной
Ромашек поздних.
Их уже не густо.
И — словно отблеск пламени —
Резной
Багряный лист, необратимо грустный.

Несовместимые соединив цвета,
Не возгоржусь.
Я трудно жил, я знаю:
В моих руках рождается красота,
Не созданная мною,
А земная.

Так сладостна,
Что к ней летит пчела.
Тревожна так,
Что мечутся стрекозы.
Так дерзостна,
Что даже весела.
Прощальна так,
Что подступают слезы.

ВТОРАЯ ПРИРОДА

Декоративные породы
И рукотворный водоем,
Как существа второй природы,
Которую мы создаем.

Из леса саженцы воруют,
Чтоб в скверах радовали глаз,
Породу делаем вторую —
Уходит первая от нас.

Спасибо ей, что, так рискуя,
Нас обучила ремеслу,
В свою впустила мастерскую,
Как муравья и как пчелу.

Мы потрудились без оглядки
Ее законам вопреки.
Ну а теперь лесопосадки,
Реанимация реки...

Я верю в то, что через годы
К творениям детей своих
Вернется первая природа
Внести необходимый штрих.

Покуда нерест опекаем
И птиц сезонный перелет,
Она сыновними руками
Сама себя воссоздает.

Смотрю на медленные восходы,
Склоняясь к истине простой:
Есть Родина
И есть Природа
Исконная —
И нет второй.

* * *

Я — сын реки,
Чей берег стал жестоким.
Я говорю — чисты мои истоки.
Я говорю — светлы мои ростки.
Не нужно безысходности в укор,
От одного произрастают корни
Слова «река» и «речь».
Я — речь реки.
Я — зов к людскому разуму и воле.
Я — боль реки и врачеватель боли,
Тоска реки и жертва той тоски.
Живу одним из данных мне напутствий:
Ее — форелевую — сохранить до устья...
Тогда отпустит боль.
Я — сын реки.

* * *

В глуши и на опушке бора,
В березняке по косогору
Ни лжеопят, ни мухомора...
На дне оврага — сухота.
Не видно россыпи победной
Классической поганки бледной...
Пуста корзиночка, пуста!

Зачем, вы спросите сердито,
Иду тропюю ядовитой
И околесицу несущей?
Отвечу так: росой умытый,
Добротный гриб и родовитый,
Да чтобы — без лукавой свиты —
Не попадался мне в лесу.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЕ

С воем, свистом и со стоном,
С океанов и небес
Потрясают мир циклоны —
«Берта», «Глория», «Инес».

Налетают ураганы,
Не щадя судов и стен,
И разбойничают в странах
Всех общественных систем.

Аномалии погоды —
Ветровые времена.
Женской логике в угоду
Им даются имена.

Ключик в тайне сокровенной
Подберут мои года.
Я свой первый шторм «Елена»
Не забуду никогда.

Для нее — каприз иль шалость,
Для меня — смертельный рок.
Подо мной земля шаталась,
Уходила из-под ног.

Помню гнев тайфуна «Зоя»,
Смех «Виктории»... Но ша!
Было дело молодое —
Бури жаждала душа.

В клочьях дыма небо стынет.
Блещут молнии во мгле.
То ли грозная богиня,
То ли ведьма на метле...

«Ольга», «Вера», «Виринея»
Проверяли на излом,
Чтоб свою судьбу с моею
Завязать морским узлом.

И не раз, в погибель веря,
От нее на волосок,
Выбирался я на берег,
Падал навзничь на песок.

Отгремели катастрофы.
Отзвучали голоса.
Наполняет память строфы,
Словно ветер — паруса.

Блики солнечные пляшут.
Только нет у них имен.
Для меня циклон «Наташа»
Перешел в антициклон.

Но под синим небосводом
Не решен один вопрос:
Я боюсь, что на погоду
Переменится прогноз.

* * *

Был наивным я и юным,
Подымался на трибуны
И катал волненья ком
Петушиным голоском.

Только звонких слов орнамент
Обрывал скупой регламент —
Карандашик о стекло:
«Ваше время истекло!»

Стал я вольным и опальным,
Странствовал по весям дальним,
И моих не трогал струн
Триумфальный зов трибун.

У меня теперь седины.
Председатель без графина.
Не стучит карандашом
И нужды не видит в том.

Чтобы слов не тратил втуне,
Ныне прямо на трибуне
Загорается табло:
«Ваше время истекло!»

Истекло ли наше время?
Как с регламентом в поэме?
Ей не раз кричали зло:
«Ваше время истекло!»

Но течением русловым
На простор выносит слово —
Есть покуда родники
И притоки у реки.

ОСЕНЬ В ЖУРАВЛЯХ

Памяти поэта Игоря Киселева

1.

Мы попали в эту осень,
Где ромашки полегли,
Где покинутые гнезда
С нежным запахом пера.
Потому ли, что деревню
Называют — Журавли,
Потому ли, что настала
Перелетная пора...

Мы обязаны капризу
Или выбору судьбы,
Что попали в эту осень
В первый и последний раз...
Наши женщины уходят
По рябину, по грибы,
По лекарственные травы,
Исцеляющие нас.

Под осиной подосиновик
Подточен — не сорви!
Над кедровником кедровка
Прокричит издалека...
Наши женщины уходят
В поздний лес своей любви,
Где летают паутинки
И где ягода горька,

Нас безмолвно окликают
Птичьи контуры домов,
Будто стая приуслала
И присела на яру:
— Вы бежали в эту осень
От трамваев и дымов?
Ваш побег осудит Город,
Спохватившись поутру.

Вот он встал на горизонте
За излучкою реки —
Там смятением и восторгом
Наполняли мы весну.
Чистые — в борах и душах —
Сохраняли родники.
И выращивали строки,
И несли свою вину...

...Счет вели земным утратам,
Сколько их — сойти с ума!
Мы бежали в эту осень,
Как бегут березы прочь,
Будто знали о природе
Больше, чем она сама,
Потрясенные прозреньем
И бессильные помочь.

3.

Перелетный, журавлиный,
Бередящий душу клич.
На земле длиннее тени —
Меньше света, больше тьмы.
Мы попали в эту осень,
Чтобы истину постичь:
Знает мудрая природа
То, чего не знаем мы.

Терпеливая, позволит
Прочитать себя с азов,
В срок назначенный предъявит
Материнские права...

Мой товарищ обернулся
И пошел на этот зов.
Только молча расступились
И сомкнулись деревья.

Только крылья прошумели
Сквозь багряную листву.
Только легкий бег оленя
По кустам прошелестел.
Только женский крик разлуки —
Безутешное «Ау!» —
Укатился дальним эхом
За неведомый предел.

4.

Журавлиный клин прощальный
Прорезает облака.
У тебя иное время —
Торопиться нет причин.

Подожди меня в долине
У лесного родника.
Там докурим, домечтаем,
Допоем и домолчим.

Я приду с хорошей вестью:
Память о тебе светла.
Подожди меня у плеса,
У березовых костров...
Вот с долгами расплачусь я,
Переделаю дела.
Знаем мы — в стихотворенье
Не должно быть лишних строф.

...Пожелаем счастья близким,
Вспомним недругов незло,
И пылающую осень,
И деревню Журавли...

Улетели наши птицы.
Ну, а все же — повезло
Дорогое молвить слово
От лица родной земли..

ТОВАРИЩЕСКИЙ КРУГ

1.

Друзья мои!

Как выстраданный факт
Вам сообщить пришел я через годы,
Что наша жизнь — не что иное, как
История общения с природой.

Не ведая, во что их превратим,
Природа нам дарила полной мерой
Леса без просек,
Реки без плотин
И горные массивы без карьеров.

Но каждому, чтоб возвращаться мог
И мучился тоской неистребимой,
Достался на планете уголок,
Где речка первая
И первая рябина.

Где на березах в говоре скворцов
Таится предсказание погоды,
Где мы не знали сочетанья слов:
«Охрана окружающей природы».

И где природа проявила такт,
Дала понять в момент необходимый,
Что наша жизнь — не что иное, как
История общения с любимой.

Все было: виражи и миражи,
Отчаянье и фарт не по заслугам...
Я думаю, друзья, что наша жизнь —
История общения друг с другом.

Пусть на скрижали занесет она
То уголек мерцающий, то пламя,
Но наши души высветил до дна
Огонь, зажженный, видимо, не нами.

Горели нашей юности костры.
Мы постигали, собираясь вместе,
Незыблемые правила игры —
Законы Долга, Совесть и Чести.

Вступили мы в товарищеский круг,
Античными поэтами воспетый.
У стариков-наставников из рук
Мы приняли огонь как эстафету.

Огонь товарищества...
Встанем перед ним.
Пусть мало нас и голоса негромки.
Но если мы его не сохраним,
То нашу память проклянут потомки.

3.

Восславив наше кровное родство,
От вас, друзья, я опыта не скрою,
Что жизнь, помимо прочего всего, —
История борьбы с самим собою.

Да, мы о ней наговорились впрок,
Устали от бессовестного трепа,
Как паровоз, что весь ушел в свисток
И время отправления прохлопал.

Мы режем правду-матку, породив
Самоанализ худшего порядка,
Вполне уютный кооператив
По части бичеванья недостатков.

И хоть живу, не обнажая ран,
Встает воспоминание из мрака:
Лежал во льдах Великий океан,
Я шел по берегу
И от бессилья плакал.

Роняли чайки жесткий посвист крыл.
Клочки тумана проносились мимо...
Ни родины своей не защитил,
Ни матери,
Ни женщины любимой.

В горах, где даже шорцы-старики
 Не ставили охотничьих капканов,
 Я отыскал исток Томи-реки,
 Таежный ключ на склоне Карлыгана.

Моя трудолюбивая река,
 Ты сохраняешь ключевые струи,
 То пряча их под сенью тальника,
 То в донных отложениях фильтруя.

Когда я слышу истеричный крик
 При дележе неправедных доходов,
 Я думаю,
 Не выживет родник,
 Людская алчность не в ладу с природой.

Когда уже знакомый язычок
 Развязан клеветою иль доносом,
 Я думаю, что сгинул родничок
 Или отравлен медным купоросом.

У берегов индустриален лик.
 И, опускаясь по теченью ниже,
 Я мучаюсь:
 — А выжил ли родник?
 И хариусы мучаются:
 — Выжил?

Растет в душе невольная вина.
 Она пришла с диагнозом суровым:
 Когда природа тяжело больна,
 То человек не может быть здоровым.

Какие катастрофы нам нужны,
 Чтоб уяснить сознанием потрясенным:
 Высокий уровень грунтовых вод страны
 Определится родником спасенным?

Какою будет новая беда,
 Чтоб нам осмыслить время и пространство
 От разоренья птичьего гнезда
 До вести о распаде государства?

Протест природы, терпящей урон,
 И нас не пощадившие утраты
 В прямой связи.
 И марши похорон
 Опять звучат до юбилейной даты.

В прощальном слове поседели мы.
 Порой от гнева стискиваю зубы:
 Без войн,
 Без эпидемии чумы
 Года прошлишь по нам, как лесорубы.

О, как порой спасительны для нас
Иронии врачующие иглы.
Умеющий смеяться не предаст.
Друзья мои!
Продолжим наши игры.

Пусть в наших юбилейных торжествах,
Которые отныне не в новинку,
Воскреснет дух былого озорства,
Чтоб так не походили на поминки.

Смотрите: шустрый проявляет прыть,
Торопится не упустить момента,
Чтоб выгодишку шкурную прикрыть
Цитатой из речей иль документов.

Такой циклон раскрутит, что держись!
Но ветер крепнет не ему в угоду...
Друзья, как это просто:
Наша жизнь —
Подробность из истории народа.

Я верю, между нами не погас,
От правды не шарахнулся в испуге
Святой огонь,
Который учит нас
Искусству видеть лучшее друг в друге..

Я потому до срока не умру,
 Что шлет моей душе метеосводки
 Провинция —
 Собратья по перу,
 Поэты от Смоленска до Чукотки.

О них непритязательна молва.
 Им славою кичиться не пристало.
 Но если не признала их Москва,
 То это означает —
 Не читала.

Вобрав в себя и ритм материка,
 И голоса таежного распадка,
 Взрослела их заветная строка
 На полигонах и на стройплощадках.

Они пришли в кромешный этот век
 Сказать слова гражданского накала,
 Чтоб не случилось переброски рек,
 Чтоб не случилось гибели Байкала.

Чтоб не случилось гибели страны...
 Ей, верю, наша жизнь необходима.
 Вы слышите? —
 Плывет из тишины
 Мотив рассвета, зреющего зримо.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

1.

Под этой древнею звездой
Я помню маму молодой,
Поющей в час, когда беда, —
«Гори, гори, моя звезда».

Она рассказывала так:
Через село бежал Колчак,
Не удержав сибирский трон.
И офицерский эскадрон
Коней направил ко двору,
Где мать учила детвору
И где в одном лице была
Интеллигенцией села.

Она рассказывала так:
Крестьянский староста — кержак
Ее упрятал на печи:
«Сойдешь за девочку, молчи,
А чтоб узнать никто не смог,
Возьми, закутайся в платок».

И вот в избу вошла гурьбой
Россия крови голубой,
Которую лихой рассвет
На вкус проверит и на цвет.

Здесь трансконтинентальный бег
Остановился на ночлег,
Тела, как надоевший хлам,
Швырнул по лавкам и углам.
И власть сменилась властью сна...

Лишь подпоручик у окна,
Щекой прижавшись к косяку,
Баюкал песнею тоску,
Слал позывные в никуда:
«Гори, гори, моя звезда».

«...Сгорай костром, как береста,
Как отречение Христа,
Когда на маковках окрест
Утрачен символ веры — крест.

Враждой измучена страна —
На всех одна, на всех одна.
Березы... В поле борозда...
Другой не будет никогда».

Так подпоручик пел в ночи.
Смотрела девочка с печи
И думала: «Останься цел,
Мальчишка — белый офицер».

А на рассвете красный фронт
Погнал его за горизонт
Из сна, из песни, из судьбы
По праву классовой борьбы.

2.

Вот и погост. Но где она,
Кладбищенская тишина,
В которой легкий посвист птах?..
Она распята на крестах.
И на кустах. Ушла в лога.
Она уложена в стога.

А здесь хозяйничает ГОСТ,
Крестов все меньше — больше звезд.
Врастает в чернозем гранит,
Но тишины не сохранит.

Ах, мама, я ли виноват
В назойливости автострад
И в том, что строится квартал,
Скребет металлом о металл,
Сжимая кладбище в кольцо?..

Отчуждено твое лицо.
И солнца луч сквозь лопухи
Кладет последние штрихи,
Никак, тасуя тень и свет,
Не дорисует твой портрет.

Промыли вешние дожди
Высокий орден на груди.
Вот только струями дождя
Размыло силуэт вождя.

А орден сам... Украден он
Как раз во время похорон.

Зависла рядом стрекоза
И смотрится в твои глаза.
И тени падают за склон,
Куда стрелковый полигон
Прокрался мимо тишины
Без объявления войны.

Гудит бетонный монолит.
Болит моя душа, болит.
Я слышу выстрелы в упор
В широкий дол, в сосновый бор,
В ромашку, таволгу, кипрей
И в образ наших матерей.

А тот, кто властью ослеплен,
И здесь построил полигон,
Он отчий дом спалит дотла,
Он выстрелит из-за угла.

Звучат ружейные хлопки.
Молчат в земле фронтовики.
И грозовые видит сны
Отец, прошедший две войны.
Я помню, пела мать тогда:
«Гори, гори, моя звезда».

И вот уже который год
 Во мне мелодия живет.
 Гори, гори, моя звезда,
 Неотвратимостью суда,
 За то, что дал нажать курок
 И тишины не уберег.

Мой ненавистник щурит глаз
 Не в первый раз, не в первый раз.
 Моя звезда — лишь минет день —
 Плывет по небу как мишень
 Для всех, стреляющих по мне
 В братоубийственной войне.

Сигнал опасности трубя,
 Боюсь уже не за себя,
 А страшно мне идти на свет
 Звезды, которой больше нет.

Гори, гори, моя звезда,
 За всех, кто сгинул без следа
 И не допел в своей беде
 Мотив старинный о звезде.

Пусть кровь мою жрецы анкет
 На вкус проверят и на цвет.
 Она красна и солонна —
 На всех одна, на всех одна.

Гори, гори, моя звезда,
Огнем кромешного стыда,
Напоминая с высоты,
Что были помыслы чисты.

Гори, гори, моя звезда,
Теплом и запахом гнезда,
Достоинством, в котором нет
Вражды созвездий и планет.

Гори, гори, моя звезда,
На дне колодца, и пруда,
И родника, чтоб не погас,
И в глубине любимых глаз.

Воспрянь, уставшая страна,
На всех одна, на всех одна.
На всех — проточная вода,
Другой не будет никогда.

А ты, родимая, прости.
Я тишины клочок в горсти
Тебе принес с лесных дорог.
Пускай распухнет цветок.

И шелест, слышимый едва,
Несет ответные слова:
«Пускай твоя звезда горит
И со звездою говорит».

СОДЕРЖАНИЕ

Скажи мне что-нибудь хорошее	5
Совесть	7
Романтика	8
Старший брат	10
Черный юмор	13
Праздники	15
Чудачество	16
Недруг	17
Опала	19
«Чистый камень сердолик...»	21
Вечные вопросы	22
«Ночь незрячая сентября...»	24
Росомаха	25
Озеро танцующих хариусов	27
Трасса	29
«Глухой тайге гусиный крик ответил...»	31
Короткое колымское лето	32
Перед поэмой	35
Вторая природа	38
«Я — сын реки...»	40
«В глуши и на опушке бора...»	41*
Метеорологическое	42
«Был наивным я и юным...»	44
Осень в Журавлях	46
Товарищеский круг	50
День поминовения	57

Литературно-художественное издание

Юров Геннадий Евлампиевич

Товарищеский круг

Стихотворения

Художник **В. П. Кравчук**

Технический редактор **Г. Н. Манохина**

Сдано в набор 18.03.93 г. Подписано к печати 29.07.93 г. Формат 60×84 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,92. Уч.-изд. л. 1,95. Тираж 1500 экз. Заказ 1005. Цена договорная.

Издательство «Сибирский родник»,
650099, г. Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25.
650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40.
Типография УВД.

Новая цена
руб. 65 коп. "